

Снаружи протянулся длинный голос юноши:

— Кня-я-язь!

Солнечный свет проходил через резные окна и заливал комнату.

Фу Цзюэчжи ровно сидел за столом.

Кисть в руке на мгновение остановилась.

Во всей резиденции больше не существовало второго человека, который звал бы его подобным образом.

Он опустил глаза и продолжил писать распоряжение о переброске войск для Министерства военных дел.

Через мгновение за дверью появилась тень.

Потом раздался вполне вежливый стук.

— Я вхожу.

Чжао Нань боком проскользнул внутрь, прошёл мимо высокого книжного шкафа у стены и медленно добрался до письменного стола.

Стол из сандалового дерева был идеально убран.

Фу Цзюэчжи сидел напротив. Угол письма прижимал тяжёлый пресс, чёрные строки были мощными и острыми.

— Что случилось?

Чжао Нань остановился и захихикал.

Он наклонился, распластавшись по краю стола. На светлом лбу выступили мелкие капли пота — похоже, бегом сюда добрался не без труда.

— Зову тебя обедать.

Они оказались лицом друг к другу.

Стоило Фу Цзюэчжи опустить глаза, как перед ним появилась пушистая макушка Чжао Наня.

Он положил кисть.

Пальцы чуть согнулись.

Потом Фу Цзюэчжи опёр висок на левую руку, опустил длинные ресницы и какое-то время молча смотрел на Чжао Наня.

— Встань.

— Не хочу.

Чжао Нань подложил обе ладони под щёки. Перед глазами лежал лист с чёрными

иероглифами.

Он сюда бежал, весь вспотел, потратил столько сил — и теперь точно собирался утащить человека в беседку есть.

Поэтому Чжао Нань закатил глаза, широко ухмыльнулся и сказал:

— Быстро идём со мной.

В глазах Фу Цзюэчжи прятался блеск.

Лицо оставалось серьёзным, но он просто продолжал неподвижно смотреть.

Лишь спустя долгое время князь отвёл глаза и первым нарушил тишину.

В низком голосе спряталась улыбка:

— Осторожно. Превратишься в пёструю кошку.

Чжао Нань был настолько ленив, что даже не подумал пошевелиться.

Безразлично надул губы и наблюдал, как Фу Цзюэчжи достаёт печать и ставит её на документ.

Бусины занавеси звякнули от ветра.

Длинные ресницы Фу Цзюэчжи скрывали выражение глаз.

Зато пальцы расслабились.

Подушечка одного из них опустилась в ярко-красную киноварную пасту для печатей.

Чжао Нань всё так же нагло висел на краю стола и улыбался.

Он уже собирался спросить, что тот делает, как мягкая плоть щеки вдруг оказалась между пальцами Фу Цзюэчжи.

Подушечка пальца легко надела сбоку.

Прямо в ямочке осталась круглая красная точка киновари.

Чжао Нань что-то почувствовал, вытащил одну руку и потёр щёку.

На пальцах действительно появились красные следы.

— ...?

Он уже хотел потребовать объяснений, но Фу Цзюэчжи встал, обошёл стол и остановился рядом.

Посмотрел сверху вниз.

Потом отвернулся, и из горла вырвался чрезвычайно довольный приглушённый смешок.

Чжао Нань:

— ...

Он явно был недоволен.

Но ладонь Фу Цзюэчжи накрыла ему лоб и поддержала, заставляя наконец подняться.

Рядом прозвучало:

— Пойдём.

Похоже, князь и правда наконец освободился.

Чжао Нань наелся, напился и отправился в прохладный сад вздремнуть.

Резиденция была огромной. Проснувшись, он долго бесцельно бродил по ней и в итоге увидел Фу Цзюэчжи, полулежавшего у пруда с лотосами.

Неподалёку стояли несколько приглашённых советников князя. Они оживлённо рассуждали, читали стихи и обменивались экспромтами.

Чжао Нань подошёл послушать.

И неизбежно вспомнил о собственных заброшенных уроках.

Впрочем, причина у него была уважительная. Когда вернётся в учебную палату, учитель наверняка не станет слишком сурово наказывать.

Эти люди были образованными и говорили цитатами. Чжао Наню, естественно, большая часть казалась тёмным лесом.

Скучно.

Он обернулся и велел принести бумагу и кисть.

Шум был совсем небольшим, но Фу Цзюэчжи почему-то сразу заметил и жестом позвал его к себе.

Чжао Нань сел за круглый каменный стол слева от князя.

Размашисто написал на бумаге собственное имя, бросил кисть и уверенно спросил:

— Ну как?

Есть уже дух великого мастера?

— Огромный прогресс.

Фу Цзюэчжи явно гладил его по шерсти и улыбался.

Длинные пальцы обхватили запястье Чжао Наня, лежавшее на столе.

Взгляд прошёлся по ещё не сошедшим синякам.

Больше князь ничего не сказал.

Чжао Нань выпрямился и долго любовался собственным произведением.

Лишь потом вспомнил о скромности и улыбнулся, показывая ряд белых зубов.

— Ну что вы, ну что вы. Мне ещё возвращаться в учебную палату и продолжать совершенствоваться.

Советники неподалёку постепенно разошлись.

У пруда снова стало тихо.

Чэнь Пин остался в беседке следить за бумагой и чернилами. Услышав фразу, он невольно замедлил движения.

Когда князь молчит — обычно это означает, что он не хочет соглашаться.

Вот и сейчас.

Фу Цзюэчжи вообще не собирался выпускать Чжао Наня из резиденции.

Князь сидел, откинувшись на спинку кресла. Глаза были тёмными. Ладонь всё ещё держала запястье Чжао Наня.

Выглядел он раздражённым и рассеянным.

У Чэнь Пина ёкнуло сердце.

Он аккуратно положил бумагу и кисть и тихо отошёл.

— Учебная палата далеко от резиденции. В те дни супругу приходилось вставать намного раньше обычного.

Фу Цзюэчжи словно подавлял что-то внутри.

Пальцы на запястье Чжао Наня то сильнее, то слабее нажимали на кожу.

Голос оставался совершенно спокойным:

— Лучше пригласить учителя сюда. Супруг сможет учиться как захочет.

Он успокоил себя и снова надел образ рассудительного, внимательного благородного человека.

Только каждое слово медленно отнимало у Чжао Наня пути к отступлению.

— Кого выберешь? Кун Чжимина или Чэнь Пина? Оба пишут достойные сочинения.

Костяшки пальцев постучали по подлокотнику.

Тёмные глаза остановились на Чжао Нане.

— Или можно взять человека из академии Ханьлинь. Ли Гаои, Чжэнь Юнъянь — оба уважаемые учителя.

Чжао Нань:

— ...?

Как они вообще уже дошли до выбора конкретного человека?

Он несколько секунд сидел в полной растерянности, а потом наконец понял смысл.

Настроение сразу упало.

Чжао Нань отвернулся.

— Ты не держишь слово.

Тогда Фу Цзюэчжи сам согласился, что он будет ходить учиться.

А теперь изменил решение и говорил так, словно всё уже постановил единолично.

Фу Цзюэчжи замер от этих слов.

Юноша рядом явно обиделся.

Глаза опустились. Он пытался высвободить запястье из княжеской ладони.

Во время движения рукав съехал, открывая синяки, которые ткань до конца не скрывала.

После отравления гу и похищения Фу Цзюэчжи стало трудно переносить саму мысль, что Чжао Нань уйдёт из поля зрения.

Спать отдельно — нельзя.

Выходить из резиденции — тем более.

Но Чжао Нань не хотел оставаться.

Фу Цзюэчжи расправил брови.

Отпустил его запястье, затем взялся за стул и вместе с сидящим на нём Чжао Нанем подтянул ближе к себе.

Первым уступил.

— Виноват твой муж.

Он немного ослабил натянутую верёвку, но конец всё равно крепко держал в руке, ожидая, пока Чжао Нань успокоится.

— ...

Рядом чувствовалось дыхание Фу Цзюэчжи.

Чжао Нань и без того легко смягчался от добрых слов. Услышав такое признание, сопротивляться не смог и сразу расслабился.

Напряжение между ними исчезло.

Фу Цзюэчжи опустил глаза, улыбнулся и снова подбросил приманку:

— Тогда сначала послушай несколько приглашённых учителей. Когда колено полностью заживёт, сравним, что тебе нравится больше, и уже потом решим.

Отпускать человека просто так он всё равно не хотел.

Поэтому выбрал причину, с которой Чжао Нань мог согласиться.

Голос стал мягким:

— Хорошо?

<http://bllate.org/book/19943/1983931>